

Сценарии введения мирового суда в дореволюционной Сибири

Е.А. Крестьянников

Аннотация. Одной из составляющих судебной реформы 1864 г. в России было установление института мировых судей для решения незначительных уголовных и гражданских дел. Представители сибирской общественности, руководители местных судов и административные начальники края на протяжении десятилетий заявляли о необходимости его распространения на Сибирь и вместе со столичными чиновниками обсуждали изменения, которые предстояло пережить ближайшему к населению органу правосудия. В статье эти планы изучаются в контексте их обусловленности региональными особенностями и конъюнктурой курса правительственной политики, исследуются основные модификации базовой модели российской мировой юстиции, выработывавшиеся в ходе тех дискуссий.

Ключевые слова: мировая юстиция, судебная реформа, Сибирь.

Abstract. Establishment of institute of justice of the peace courts for the solution of insignificant criminal and civil cases was one of components of judicial reform of 1864 in Russia. Members of the Siberian public, heads of local courts and administrative chiefs of edge declared need of its distribution to Siberia for decades and discussed along with capital officials changes which were expected by the closest to people justice agency. The article is devoted to studying of these plans in the context of their conditionality by regional features and an environment of a course of government policy and to research of the main modifications of basic model of the Russian world justice, developed during those discussions.

Key words: world justice, judicial reform, Siberia.

Либерализм Великих реформ Александра II в наибольшей степени воплотился в судебном преобразовании. Бессословность, независимость суда и несменяемость судей, состязательность, гласность и устность процесса, право подсудимого на защиту, презумпция невиновности, участие в судопроизводстве представителей общества — принципы Судебных уставов 1864 г., давшие России «суд скорый, правый, милостивый, равный для всех» и являвшие собой огромный шаг на пути к правовому государству. Идеи общественной и личной

Крестьянников Евгений Адольфович — доктор исторических наук, профессор Тюменского государственного университета. E-mail: krest_e_a@mail.ru.

Krestyannikov Evgeniy A. — doctor of historical sciences, professor of Tyumen State University. E-mail: krest_e_a@mail.ru.

свободы эпохи нашли применение в установлении единой для россиян системы выборного мирового суда из самостоятельных единоличных судей с их съездами в качестве второй инстанции.

Передавая часть властных полномочий в руки независимых мировых судей, законодательство предусмотрело ряд нормативно-правовых фильтров, призванных обеспечить высокое качество их правосудия и состава, в частности, образовательный и имущественный цензы. В ходе распространения уставов на страну их положения, однако, подвергались значительным корректировкам, с одной стороны, продиктованным изменениями политической конъюнктуры, особенно в годы контрреформ 1880-х гг., с другой, вызванным гетерогенностью империи: далеко не везде были применимы общие правила судостроительства и судопроизводства из-за местных условий.

Когда мировая юстиция — новый для России институт — приходила в удаленные от центра регионы, роль последнего обстоятельства значительно возрастала. Один из отечественных мировых судей первоначальных наборов В. Назарьев рассуждал: «Не подлежит сомнению, что при таких резких контрастах наши мировые учреждения, выработанные европейской жизнью, должны были найти себе самую благоприятную почву в наших столицах, менее благодарную в наших городах, имеющих уже свои типичные, далеко неевропейские черты, а в нашей безбрежной глуши они должны были явиться чем-то совершенно неожиданным»¹.

Сибирь отличали обширность территории, незначительность жителей, низкая плотность населения, малочисленность людей с образованием и т.д. — то, что мешало адаптации нового судостроительства к сибирским условиям и затягивало преобразования. Более тридцати лет край ожидал их проведения, и лишь в 1897 г. после реализации «Временных правил о применении Судебных уставов к губерниям и областям Сибири» от 13 мая 1896 г.² подданные этой российской окраины увидели мировых судей. Между тем, представители региона принимали деятельное участие в обсуждении утвержденных Александром II 29 сентября 1862 г. «Основных положений преобразования судебной части в России», которые «вызвали среди сибиряков живой обмен мыслей»³. Отзывы поступили, например, от председателя Тобольского губернского суда А.И. Папкевича, его заместителя В.А. Андронникова, тобольского губернского уголовного дел стряпчего Н.С. Знаменского (их проекты вошли в известную Опись дел о преобразовании судебной части России⁴, а имена заняли достойное место в анналах сибирской истории⁵), советника Главного управления Западной Сибири от Министерства юстиции В.И. Спасского⁶.

Содержание четырнадцатой статьи указанного проекта заставляло задуматься о применимости намеченного плана в связи с организацией мировой юстиции в российской глубинке. Там говорилось: «В мировые судьи могут быть избраны только местные жители... владеющие, хотя бы и в известных местах, недвижимой собственностью, приносящей чистый годовой доход в размере, законом определенном, и получившие образование в высших или средних учебных заведениях, или же прослужившие, преимущественно по судебной части, не менее трех лет»⁷.

Для Сибири эти условия оказывались взаимоисключающими: край мог располагать либо невежественными старожилками, либо приезжими квалифицированными юристами — третьего ситуация не предусматривала. «У нас нет высших учебных заведений и очень мало лиц, развитых образованием даже в средних учебных заведениях», — писали Папкевич и Андронников. Притом они констатировали, что «условия, помещенные в 14 статье, для выбора в мировые судьи, могут быть применены в Тобольской губернии, по крайней мере, на первое время, к весьма немногим лицам», и допускали к таким судебным должностям людей без недвижимости⁸, в реформаторской эйфории предлагая совершенно отменить любые цензовые ограничения⁹.

Важное место «Основные положения» планировали отвести почетным мировым судьям с ровно такой же юрисдикцией, как и у участковых мировых судей, но служащих, не получая «никакого содержания и никаких на свои расходы по этой обязанности сумм»¹⁰. В их состав, по замыслу «отцов» судебной реформы 1864 г., надлежало войти лицам, «заслуживавшим полного доверия и уважения»¹¹. Даже в наиболее населенных местностях Сибири таких людей не хватало. Упомянутые руководители Тобольского губернского суда констатировали: «Почетных мировых судей избирать в Тобольской губернии затруднительно, по чрезвычайно ограниченному числу состоятельных лиц, могущих служить без вознаграждения, а потому и трудно положительно рассчитывать на вспомогательную деятельность их»¹².

Перестроенная еще М.М. Сперанским в 1822 г. сибирская юстиция не удовлетворяла ни чиновников, ни население, и потому в дискуссиях первой половины 1860-х гг. преобладали желанные оптимистические тона. На взгляд их участников, в судебном преобразовании край нуждался больше, чем остальные регионы России и, по мнению многих, ничего ему не препятствовало. Один из тобольских стряпчих утверждал: «Рутинное убеждение, что реформа эта в настоящее время неприменима в некоторых местностях по недостатку специально образованных людей, как отжившее свое время, не может иметь места»¹³. Отмечалась и «нравственная» подготовленность сибиряков к восприятию передовых начал правосудия¹⁴. Свойственным бывало соседство неуверенности в возможностях региона с нетерпеливым ожиданием нового суда. Некий неназванный в документах курганский мещанин, еще один участник тогдашних дискуссий, резюмировал: «Я прихожу к тому горькому заключению, что наш край еще немного зеленат, но это да не послужит помехой к осуществлению прекрасной судебной реформы»¹⁵.

В 1867 г. под председательством одного из авторов Судебных уставов В.П. Буткова учреждался Особый отдел комиссии для работ по преобразованию судебной части России, специально занимавшийся подготовкой переустройства сибирского суда и состоявший преимущественно из лиц, знакомых с Сибирью по службе. Среди них обнаружилось разногласия по поводу возможности введения выборного мирового суда: нашлись сторонники, но были и противники, которые обращали внимание на отсутствие в крае земледельческого дворянства и земских учреждений¹⁶.

Действительно, непременным условием установления выборной мировой юстиции являлось предварительное осуществление земской

реформы 1864 г., поскольку именно на устанавливаемые ею органы Судебными уставами возлагалось избрание мировых судей. Однако это преобразование самоуправления откладывалось на неопределенные сроки (реализовано в Сибири только после падения царизма): в 1866 г. министр внутренних дел П.А. Валуев, отвечая на запрос Буткова, дал понять, что такое реформирование в крае не заслуживает первоочередного внимания ¹⁷.

Предложения относительно порядка формирования сибирского мирового суда отличались разнообразием. Одни считали возможным установить выборность мировых судей хотя бы в отдельных местностях, но, устроив избирательные собрания на особых основаниях и отменив некоторые цензовые ограничения для кандидатов на должности; другие выступали за учреждение назначаемого «от правительства» мирового института; третьи полагали нужным мировых судей поначалу назначать, а затем, со временем, ввести выборность. Прозвучала мысль не учреждать почетных мировых судей; предусматривалось пополнение съездов мировых судей судебными следователями или членами окружного суда, что, безусловно, умаляло независимость мировой юстиции. Тем не менее, с учетом дополнений и изменений, отдел высказался за проведение судебной реформы в Сибири ¹⁸.

Все лица, предлагавшие в 1860-х гг. свои программы организации системы правосудия в крае, были убеждены в невозможности применения к нему положений Судебных уставов в неизменном виде. Но либеральные настроения эпохи позволяли не замечать трудности, которые казались легко преодолимыми. Как представлялось, небольшая редакторская правка содержания уставов позволяла их ввести. При этом намечаемые отступления виделись незначительными, хотя, на самом деле, либо существенно ограничивали действие некоторых прогрессивных принципов, либо чрезвычайно их усиливали. Судьба большинства людей, предоставивших свои соображения по вопросу о реформировании сибирского мирового суда, так или иначе, была связана с Сибирью. Их надежды ускорить судебное преобразование отодвигали на второй план заботу о его содержательной стороне.

В случае реализации тогдашних предложений могла появиться разновидность юстиции, существенным образом искажавшая саму суть института мировых судей. В начале 1860-х гг. он задумывался как «хранитель мира», примиряющий стороны на основе доверия к суду. «Главнейшая задача его, — разъясняли авторы Судебных уставов, — и высшее качество его правосудия — примирение. Для успешного исполнения такого важного призвания мирового судья должен пользоваться особым доверием местных жителей, а доверие это он может заслужить не столько юридическим образованием, сколько знанием народных понятий, нравов, обычаев, вообще всех условий местной жизни и в особенности своим здравым умом, честным характером и безукоризненной жизнью» ¹⁹. К сожалению для обсуждавших устройство сибирского мирового суда реальность была таковой, что регион мог рассчитывать исключительно на приезжих судей, вряд ли способных вникнуть во взаимоотношения сибиряков.

В полемике рубежным стал 1870 г., когда все-таки был разработан некий проект преобразования судебной части в Западной Сибири ²⁰, но тогда же комиссия под председательством Буткова закрыва-

лась²¹, а ее материалам, как позже писали «Тобольские губернские ведомости», отводилось «глухое место в архивах»²². С тех пор, по мнению известного российского мыслителя и публициста Н.Ф. Анненского, вопрос о преобразовании сибирской юстиции и введении мирового суда превратился в «историю длинную и странную»²³: судебную реформу, в силу ее дороговизны, а также якобы неподготовленности края «к восприятию новых начал судеустройства», отказались распространить на Сибирь²⁴. С этого момента от участия в разработке судебной реформы в Сибири фактически отстранялась общественность. Позже этим вопросом занимались, в основном, чиновники разных уровней и ведомств, а к проблемам судеустройства и судопроизводства, обсуждавшимся в 1860-х гг., вернулись при обстоятельствах, коренным образом изменившимся после убийства Александра II.

Тем временем мировой суд Российской империи, близкий к населению, необремененный в судопроизводстве избыточными процессуальными формальностями и работавший без излишней волокиты, полюбился народу, способствуя повышению авторитета всей новой отечественной юстиции. Россиянин начал судиться, приобретая навыки в отстаивании собственных прав, иногда шел в суд хотя бы в поисках развлечений. Доступные и выборные, потому уважаемые судьи, знаменовали своей деятельностью освобождение общества от различного рода зависимостей, зарекомендовали себя способными положить конец приниженному положению личности в государстве, принять действенное участие в формировании у населения правосознания, отвечающего духу либеральной эпохи, давая почувствовать подданным вкус свобод и равноправия. Недаром, как отмечали современники, особенно активно этим судом начали пользоваться наиболее ущемленные в правах категории россиян, в частности, женщины, и случалось теперь наблюдать на их стороне перевес количества поступавших к мировым судьям жалоб²⁵.

Ответом на долгие угнетения становилась еще большая жажда эмансипации, которую настоятельно требовала долго лишенная многих благ и ощущавшая равнодушное к себе отношение со стороны самодержавия Сибирь. «Наши первые и настоятельные нужды — это введение земства, гласного суда, свободы печати и слова... Наша мать Россия уже пользовалась многими коренными реформами, мы же, сибиряки, страдая от наших неурядиц, могли только плакаться и завидовать ей. Поэтому наши нужды и требования и должны быть обширны, и велики», — говорилось в пламенной речи одним из гласных на заседании Енисейской городской думы в 1881 г. и являлось лейтмотивом пожеланий сибирской общественности²⁶.

Край испытывал острую необходимость в совершенствовании судебной системы, и во второй половине 1870-х — начале 1880-х гг. сибирские газеты и городские думы нередко поднимали вопрос о введении в крае Судебных уставов Александра II в полном объеме, либо об учреждении отдельных институтов, прежде всего, мировой юстиции²⁷. Даже лицам, незнакомым с регионом, реформирование его правосудия начинало представляться важным условием общей модернизации азиатского Зауралья. В 1880 г. профессор В.М. Флоринский, преодолевая сибирские просторы на пароходе по маршруту от

Тюмени до Томска по делам открытия университета, вдохновившись увиденным, восклицал: «Дайте Сибири, как и остальной России, новые порядки, новые суды и такие же средства низшего и высшего образования, тогда явятся и промышленные центры и цветущие города»²⁸.

В начале 1880-х гг. сибирское общество охватила эйфория ожидания переустройств, вызванная празднованием трехсотлетнего юбилея взятия дружиной Ермака столицы Сибирского ханства. Сибиряки решили ходатайствовать о нужности реформ в правительстве²⁹. В период торжеств, по словам одного корреспондента, «лучшие люди с нетерпением ожидали введения в Сибири новых судов, земских учреждений, нового городского устройства, открытия университета»³⁰. Им казалось, что преобразования последуют незамедлительно. «Необходимость сибирских реформ, — писал в 1881 г. лидер сибирского областничества Н.М. Ядринцев, — до такой степени ясно сознается правительством и обществом, что трудно предполагать, чтобы настоятельные нужды населения не были бы удовлетворены»³¹. Однако надежды сибиряков оказались обманутыми. Тот же деятель констатировал: «Нового суда и земства пока не дается. Предстоит писать и просить»³².

Активным сторонником судебной реформы выступала сибирская администрация. Так, в 1881 г. один из губернаторов края сделал всеподданнейшее представление о необходимости учреждения мировых судей в местных городах³³. Последовательным приверженцем изменений судебного строя являлся генерал-губернатор Восточной Сибири Д.Г. Анучин, считавший дореформенные судебные порядки «самым больным местом Сибири»³⁴, «одним из важнейших препятствий, задерживавших заселение этого края и экономическое его развитие, а также водворение порядка и законности в гражданской его жизни»³⁵. Он констатировал, что деятельность архаичных судов «граничила с отсутствием правосудия» и придавал первостепенное значение их преобразованию³⁶. Этот начальник признавал край вполне подготовленным к проведению судебной реформы, а его население, как он указывал в телеграмме императору 6 декабря 1882 г., способным «воспринять те великие реформы, которые дарованы России державной волей царя-освободителя»³⁷.

Существенные подвижки в области управления произошли в 1882 г., когда упразднялось Западносибирское генерал-губернаторство, а Тобольская и Томская губернии подлежали «общему порядку высшего управления»³⁸. Сибирская общественность видела в этом «начало изменений старого сибирского режима»³⁹. Такая уверенность подкреплялась заявлениями чиновников, участвовавших в закрытии генерал-губернаторства и говоривших о вероятности скорых перемен, докладывая министру юстиции: «Судебная реформа более других необходима... Оставить Тобольскую и Томскую губернии в настоящем их положении невозможно»⁴⁰.

Хотя, как указывал потом министр юстиции конца XIX — начала XX в. Н.В. Муравьев, реформы суда в России, «естественно должны были отодвинуть несколько на второй план заботы об улучшении управления и суда в Сибири»⁴¹, работы по изучению вопроса об установлении института мировых судей в крае не прекращались и в 1880-х годах.

Отличие заключалось в том, что раньше эта проблема исследовалась с привлечением общественного мнения, внимательно и даже пристрастно; сейчас она обсуждалась исключительно бюрократами административных и судебных учреждений, а обществу оставалось довольствоваться не всегда достоверными слухами. 1882-м г. датируется аналитическая справка Министерства юстиции, в которой производился подсчет необходимого для края количества мировых судей. Документ демонстрирует, насколько формально, без учета специфики региона, министерские чиновники отнеслись к порученному делу. Они применили нормативы, использовавшиеся при проведении судебной реформы в густонаселенной Европейской России: там рекомендовался участок отдельного мирового судьи в 2000 кв. верст при населении 30000 жителей. Сибирские площадь и население автоматически поделили на указанные цифры, получив оторванные от реальных надобностей показатели. Например, в соответствии с такими исчислениями, только двум западносибирским губерниям — Тобольской и Томской — требовалось не менее 250 мировых судей ⁴² (позже, в 1897 г., в этих губерниях было занято лишь 69 таких должностей ⁴³).

Заведомо неверные подсчеты многократно увеличивали стоимость мировой юстиции, а также всей и без того дорогостоящей судебной реформы 1864 года. Вместе с тем, несмотря на имевшееся понимание, по словам тогдашнего министра юстиции Д.Н. Набокова, «крайней неудовлетворительности положения судебной части в Сибири» ⁴⁴, именно из-за дороговизны нового суда и недостатка денег, вызванного войной 1877—1878 гг. с Турцией, министерские чиновники отказались от идеи коренного реформирования системы правосудия в крае ⁴⁵.

Пресса в 1882 г. распространила «чрезвычайно печальную весть: преобразование суда в Сибири, за неимением средств, отложено на неопределенное время» ⁴⁶. Сибирская общественность получила повод самостоятельно оценить затраты на мировую юстицию и не согласиться с доводом о ее непосильном денежном обременении. Так, один из гласных Иркутской городской думы посчитал расходы на содержание действовавших судебных учреждений и мировых судей в случае их введения: последним Иркутску требовалось всего трое с ежегодным ассигнованием в 9 тыс. руб., тогда как находившийся в городе и признававшийся в общем то бесполезным из-за применявшихся архаичных порядков Иркутский городской суд обходился в 11 080 руб. 90 коп. в год ⁴⁷.

На основании закона от 25 февраля 1885 г., в Сибири проводилась судебная реформа ⁴⁸, смысл которой состоял, по задумке Набокова, в осуществлении «хотя бы весьма немногих, наиболее неотложных» мер по усовершенствованию сибирских судов и судопроизводства. Названные министром «временными и переходными» судебные правила ⁴⁹, не устанавливая мировой суд, на чем непосредственно накануне преобразования настаивал, например, томский губернатор И.И. Красовский (доклад Набокову 9 октября 1884 г.) ⁵⁰, оставили в неприкосновенности прежние громоздкие коллегиальные окружные суды (округа — сибирский аналог уездов в остальной России).

Современники судебной реорганизации 1885 г. считали ее незначительной. Как писал будущий премьер-министр антибольшевист-

тских правительств времен Гражданской войны П.В. Вологодский, только начинавший тогда карьеру судебного деятеля, по отношению к ней слово «реформа» было принято заключать в кавычки⁵¹. Судебные чиновники разных уровней и представители сибирской общест-венности называли судебное переустройство «полуреформой», «полумерой», «слабой попыткой к реформе», «мерой малосильной», «так называемой у нас реформой» и т.д.⁵²

Для осознания, что без мирового суда любое преобразование будет бесполезным, и официального признания этого, понадобились считанные месяцы. В отчете за 1886 г. томский губернатор А.И. Лакс констатировал: «Представляется неотложно необходимым введение судебной реформы, если не во всем объеме, то, по крайней мере, мирового института»⁵³. Отвечая на многочисленные критические замечания в адрес уже реформированных судебных порядков, Министерство юстиции организовало кампанию по опросу сибирских судей об улучшении местного судопроизводства и должном устройстве мирового суда: «Не представлялось ли бы желательным и полезным заменить нынешние коллегиальные суды первой степени судами единоличными, и каким образом надлежало бы организовать сии последние». В частности, предлагалось оценить целесообразность возложения функций мировых съездов на губернские суды и соединения судебных и следовательских обязанностей в руках мировых судей⁵⁴. Вместе с тем, с задачей определения причин неудовлетворительности сибирского правосудия и выработки рецептов выведения его из кризисного состояния в 1887 г. в Сибирь был командирован бывший председатель Иркутского губернского суда А.А. Клопов⁵⁵.

«Ввиду, с одной стороны, незначительного числа дел, возникающих в Сибири, а с другой, громадных расстояний в этом крае, а также для сокращения расходов государственного казначейства», — так министерскими чиновниками мотивировалась мысль о судьях-следователях⁵⁶. Последние с 1866 г. существовали исключительно в Закавказье⁵⁷ и признавались отечественной юридической общественностью «совершенно негодным изобретением»⁵⁸. Совмещение судебных и следовательских обязанностей привело там к тому, «что не соблюдалась ни та, ни другая, и живое судебное дело окончательно гложло под массой канцелярской непроизводительной работы»⁵⁹. Более долгосрочный закавказский опыт также указывал на порочность отмеченного порядка. По сведениям известного правоведа, редактора популярной газеты «Право» И.В. Гессена, в крае на рубеже XIX—XX вв. работала комиссия из местных судебных деятелей, признавших такую практику глубоко порочной и выступивших против нее⁶⁰.

В условиях Закавказья и Сибири не было ничего общего, если не считать независимого от них единого стремления правительственных кругов минимизировать затраты на содержание этих регионов. Замысел судьи-следователя в Сибири обязан своим появлением тому, что в 1880-е гг. окончательно разрушилась идея непоколебимости и целостности Судебных уставов, побеждавшая реакционная тенденция подтачивала основные принципы нового суда, прежде всего, независимость, и мировая юстиция все чаще становилась объектом всевозможных экспериментов. Общеизвестно, что результатом явилась ее замена в Европейской России в 1889 г. судебно-административ-

ными учреждениями — земскими участковыми начальниками ⁶¹. В случае наделения их следовательскими полномочиями, сибирские мировые судьи в качестве следователей подчинялись бы лицам прокурорского надзора, то есть лишились немалой части своей самостоятельности. Между тем, такая мера представлялась целесообразной: казалось, что, возложив на ближайших к населению и весьма квалифицированных судебных чиновников обязанности проведения расследований преступлений, она позволит покончить в Сибири с порочным по всем без исключения позициям полицейским следствием, не прибегая к лишним расходам на привлечение следователей-специалистов.

Среди руководителей сибирских судов и администрации, однако, инициативы Министерства юстиции не встретили единодушной поддержки. Наиболее дальновидные, как показало будущее, председатель Тобольского губернского суда З.Н. Геращенко и тобольский губернский прокурор К.Б. Газенвинкель выступили против мировых судей со следовательскими полномочиями, несмотря даже на то, что такая особенность судостроительства получала поддержку в правительственных сферах и начинала шире применяться (на основе закона от 12 декабря 1888 г. мировые судьи-следователи вводились в Архангельской губернии ⁶²). Чиновники выражали серьезные сомнения в эффективности указанного нововведения в части достижения таким способом экономии государственных средств, указывая при этом и на его возможные негативные последствия с точки зрения обычной разумности: «Как ни симпатична идея о соединении в одном лице обязанностей мирового судьи и следователя, но едва ли идея эта, на практике, поведет к желаемым результатам... Мировой судья не будет в состоянии разбирать дела и производить следствия одновременно». Впрочем, аналогичные должностные лица из Томской губернии — Г.В. Юркевич и А.В. Витте, а также Клопов — наоборот, министерскую задумку поддержали ⁶³.

Геращенко, Газенвинкель и Клопов, вопреки установке чиновников министерства, высказывались за введение в крае съездов мировых судей ⁶⁴. Судебные уставы 1864 г., разделив судебные учреждения на независимые двухстепенные системы — общие (окружные суды и судебные палаты) и мировые суды (участковые судьи и их съезды в качестве, «так сказать, непосредственного начальства мировых судей» ⁶⁵) — обеспечивали автономию местной выборной юстиции от коронного чиновничьего суда. Таким образом, предлагавшееся возложение функций мировых съездов на окружные (в Сибири пока губернские) суды являлось акцией, продиктованной духом реакционной эпохи и условиями российской судебной контрреформы, направленной на ликвидацию судебной самостоятельности.

В 1890-е гг. сибирский край вступал без мировой юстиции, которая, впрочем, уже имела возможные очертания применительно к региону. К тому времени в России насчитывалось несколько десятков губерний и областей, по площади составлявших большую часть страны, где уставы Александра II еще не действовали. Развивавшаяся в пореформенную эпоху быстрыми темпами Сибирь, до которой докатывались мощные импульсы общероссийской модернизации, все настоятельнее требовала нового судостроительства. Доводы о неподготовленности региона к судебной реформе становились все более беспоч-

венными. «За десять последних лет и в особенности с начатием работ по постройке железной дороги, — докладывал в 1896 г. в Государственном совете Муравьев, объясняя насущность изменений, — Сибирь поразительно ушла вперед, и нынче вся она настоятельно требует преобразования суда»⁶⁶. Архаичные судебные порядки препятствовали экономическому развитию региона и всей страны. Недаром, удовлетворяя хозяйственные потребности момента, Министерство юстиции осенью 1893 г., не дожидаясь коренного судебного реформирования, разработало предложение об учреждении вдоль линии строящейся сибирской железной дороги в пределах Тобольской и Томской губерний шести должностей мировых судей⁶⁷.

В этих условиях вопрос об установлении мирового суда в сибирском крае, пережив широкие дискуссии эпохи либерализма Великих реформ, а затем келейное обсуждение в министерских кабинетах, переходил в новую практическую плоскость, и теперь в его продвижении перевес имели утилитарные соображения. Сохранение в этой части империи дореформенного правосудия противоречило замыслам самодержавия. Наступало время, когда на авторитет власти отрицательно влияли вседозволенность и безнаказанность, распространившиеся во многом из-за порочного устройства местной судебной организации, чудовищные недостатки которой вскрылись в ходе ревизии П.М. Бутовского 1892 г.⁶⁸, и с таким положением вещей правительство не могло мириться.

Ближе к выполнению планы преобразования становились и в связи с назначением в 1894 г. Муравьева министром: перед ним была поставлена задача завершить наконец-то распространение судебной реформы на всю империю⁶⁹, решенная в случае с сибирской системой правосудия утверждением закона 13 мая 1896 года. Этот акт разрабатывался с октября 1894 г., когда под председательством Бутовского создавалась специальная комиссия⁷⁰, в состав которой вошли представители заинтересованных ведомств, чиновники центрального управления Министерства юстиции, а непосредственными выразителями потребностей края являлись тобольский, енисейский и иркутский губернские прокуроры С.Г. Коваленский (имел опыт участия в ревизии сибирских судебных учреждений 1892 г. в качестве проверяющего⁷¹), А.Н. Лубенцов и Н.И. Харизоменов⁷². Каждый из этих прокурорских работников выразил собственный взгляд на задуманное преобразование⁷³. Вместе с тем, обобщались мнения иных судебных и административных начальников региона. На основе собранного материала были составлены «Объяснительная записка к проекту Временных правил об устройстве судебной части в Сибири» и «Объяснительная записка к проекту штатов судебных установлений в Сибири», которые обсуждались комиссией 24 февраля, 10 марта, 31 мая и 6 июня 1895 года⁷⁴. В подготовительных к реформе юстиции края документах особенное место отводилось мировому суду, и, помня о его судьбе в России, в первую очередь надлежало выяснить, насколько своевременно и целесообразно установление этого института в Сибири. В комиссии Бутовского обнаружился единственный, но зато очень влиятельный, поскольку представлял интересы Министерства внутренних дел, противник немедленного судебного реформирования А.С. Стишинский. В особом мнении чиновника говорилось: «Министерство (внутрен-

них дел. — Е.К.) находит введение судебной реформы ныне же в губерниях Тобольской, Томской, Иркутской и Енисейской несвоевременным и полагает более правильным осуществить в указанных местностях реформу лишь одновременно и в связи с распространением на них положения о земских начальниках»⁷⁵.

Большинство, однако, руководствовалось мыслью, что откладывать преобразование нельзя, а его важнейшей составляющей должно быть появление в крае мировых судей. Их преимущество над другими формами организации местного суда, например, Коваленский считал «очевидным», поскольку единоличное начало и отсутствие формализма ускоряли судопроизводство⁷⁶. Комиссия не нашла предложение Стишинского разумным. Подытожив контраргументы и подчеркнув особенности Сибири, С.С. Манухин (после ухода Муравьёва в 1905 г. стал министром юстиции⁷⁷) заявил: «При таких условиях связывать осуществление в Сибири судебной реформы с вопросом о введении в некоторых из сибирских губерний земских начальников едва ли представлялось бы правильным»⁷⁸.

Взятый на установление мирового суда курс заслужил позитивной оценки россиян, ведь на фоне не прекращающихся нападков на судоустройство и судопроизводство по Судебным уставам Александра II сам факт введения мировой юстиции в Сибири представлялся шагом, способным положительно повлиять на отправление правосудия в крае. Анненский указывал: «По отношению к устройству низшего суда сибирские губернии будут находиться в условиях более благоприятных, чем большинство местностей Европейской России, где с введением института земских начальников в корне нарушен был принцип разделения властей судебной и административной»⁷⁹.

Важнейшие решения комиссии Бутовского по определению основных положений судебной реформы в Сибири опирались на указания и даже личные пристрастия Муравьёва. Одной из его идей — совмещения полномочий судьи и следователя — пришлось проникнуться подчиненным. Коваленский в своем проекте судоустройства Тобольской губернии, подхватив инициативу начальника, доказывал ее целесообразность приближением судебной власти к населению, достигавшимся «при условии слияния в одном лице, по возможности, судебных функций, ибо в противном случае потребовалось бы либо учредить такое значительное число судей и следователей, которое вызвало бы чрезмерные денежные расходы и не оправдывалось бы количеством предстоящей каждому из сих лиц работы, либо же, приняв за исходную точку общее число возникающих в губернии дел следственных и мировых, устроить в ущерб интересам населения обширные по размерам судебные районы»⁸⁰.

Сам министр альтернатив намеченному нововведению просто не представлял: «Если же принять во внимание, что, в виду редкости населения Сибири, значительности расстояний между населенными местами и малого количества, сравнительно с пространством территории, возникающих там судебных дел, выделение следственной части из ведомства мировых судей должно почти вдвое увеличить размер участков, как судейских, так и следственных, то нельзя, казалось бы, не прийти к заключению, что предположенная комиссией организация местной юстиции в сибирских губерниях и областях является

единственно возможной для правильного хода правосудия в столь обширном и малонаселенном крае»⁸¹.

Подобными доводами руководились бюрократы, планируя возложить на мировой суд отдаленных участков и нотариальную работу (закон 13 мая 1896 г. воплотил это намерение в статье 53). Не надо было быть слишком дальновидным, чтобы прогнозировать провал таких порядков: о квалификации будущих многофункциональных судей, а она в таком случае требовалась высочайшая и многогранная, в проектах не говорилось; никто из чиновников не задавался вопросом, насколько необременительные по отдельности обязанности окажутся тяжелыми вместе. В итоге, как показала деятельность реформированной системы правосудия, указанные совмещения стали, пожалуй, наиболее значимым недочетом судебного преобразования в Сибири и главной причиной недостатков судостроительства и судопроизводства, вопреки, казалось бы, благим побуждениям, как раз отдаливших суд от сибиряков.

Вместе с тем, планировалось увеличение границ компетенции сибирской мировой юстиции. В частности, по подобию Закавказья, ведомству мировых судей в Сибири по гражданским делам подлежали иски, оцененные не свыше 2000 руб., тогда как Судебными уставами максимальная сумма иска определялась в 500 рублей. Объяснялось этоуже известными мотивами: «При громадном пространстве, которое занимают сибирские губернии и области, расширение пределов власти мировых судей представляется одним из средств приблизить суд к населению и составляет, поэтому, коренное условие предстоящего преобразования»⁸².

Со ссылкой на «значительные затруднения» в Сибири не предусматривались съезды мировых судей, служившие практически единственным средством общения и обмена опытом судей из разных концов уездов губерний европейской России. Комиссия Бутовского и здесь нашла препятствия в больших пространствах края, из-за которых участники съездов «должны были бы проводить большую часть времени в постоянных разъездах и отсутствовать в участках». В итоге функции съездов этих учреждений возлагались на окружные суды⁸³, что имело негативные последствия: увеличивалась нагрузка последних, назначаемые, а не избираемые мировые судьи становились еще менее самостоятельными, в сельской же местности они попадали в полнейшую изоляцию, оставшись один на один с массой трудноразрешимых проблем.

В свое время в российской глубинке съезды олицетворяли собой главнейшие принципы нового суда, все то, что отличало его от дореформенных судилищ. Для очень многих подданных именно в регулярных собраниях мировых судей воплощались гласность, состязательность, равенство для всех и доступность судопроизводства. В дни съездов в одном месте сосредотачивалось местное юридическое сообщество, нередко объединявшее лучшие интеллектуальные силы регионов. Подобные стечения юристов и народа, делаясь вершиной торжества правосудия, являлись знаменательным событием в безмятежной и размеренной провинциальной жизни, и всего перечисленного лишилось сибирское общество. Что собой представляли съезды в провинции, можно узнать из воспоминаний В. Назарьева: «Прежде все-

го, с понятием о съезде, обыкновенно собирающемся в городе, соединяется понятие о суде гласном и публичном. Съезд представляет едва ли не единственное развлечение городских обывателей, а дела, решенные съездом, вызывают нескончаемые толки, пересуды и некоторое волнение умов не только в среде бедного населения, но даже в наших клубах и гостиных; наконец, на съезде выступают местные адвокаты и ораторы, присутствует товарищ прокурора, лицо совершенно независимое, и, не стесняясь никакими побочными, часто вредящими делу обстоятельствами, дает свое заключение. Все это вместе притягивает на съезд толпу более или менее заинтересованных лиц, прислушивающихся к решениям и приговорам, притягивает до такой степени, что при первом сколько-нибудь выдающемся деле, помещение оказывается слишком тесным, и нахлынувшая публика должна расходиться по домам»⁸⁴.

Комиссия Бутовского «признала желательным» учредить в Сибири должности почетных мировых судей, но и в устройстве этого института предполагались существенные особенности, продиктованные стремлением расширить круг кандидатов. Для них допускалось не обладать недвижимой собственностью, как того требовали Судебные уставы. Конечно, речь не шла о демократизации юстиции — мера предпринималась с целью привлечь к отправлению правосудия «служащих в правительственных учреждениях»⁸⁵. Это противоречило духу судебной реформы 1864 г., поскольку нарушало принцип разделения властей, но в последующем широко применялось в крае. В отдельных сибирских губерниях администраторы составили весьма многочисленную группу среди почетных мировых судей⁸⁶.

Определение штата будущих судебных учреждений стало одной из важнейших забот авторов проектов переустройства юстиции Сибири. Однако выбранный метод подсчета необходимого краю числа мировых судей оказался неверным. Поскольку им предписывалось исполнять две основные обязанности, для них уменьшили вдвое принятые в России предельно высокие нормы судейских и следовательских нагрузок. Сибирским судьям-следователям предлагалось разбирать за годовой период не более 500—600 дел мировой юрисдикции и вести 70—80 следственных производств. На эти цифры механически разделили количественные данные о поступлении ежегодно в дореформенные суды дел в пределах подсудности, проектируемой для сибирских мировых судей, и получили их потребную численность⁸⁷.

Арифметика не учитывала особенностей окраинных условий, во внимание фактически не принимались многофункциональность сибирских мировых судей (наряду с разными должностными совмещениями, например, они обязывались выполнять поручения окружных судов, выезжать для разбора дел в ближайшие к месту их возникновения населенные пункты) и, отсюда, увеличенный по сравнению с обычным режимом объем работы. Игнорировался прежний опыт проведения судебных реформ в России на основе Судебных уставов, когда количество производств, заведенных новыми судами, всегда резко преумножалось, о чем прекрасно знали члены комиссии Бутовского. Так, Коваленский в своей записке писал: «Нет никакого сомнения, что число дел мирового разбирательства, как то показывает пример всех тех местностей, где введено было улучшенное судебное устрой-

ство, в первый же год введения реформы неминуемо возрастет»⁸⁸. «Значительное возрастание» производств с введением в крае новых судов прогнозировал и сам Муравьев⁸⁹.

Министерские чиновники отлично сознавали, что мировой суд вводился в недостаточном составе. В проектной документации сравнивался штат устанавливаемой местной юстиции в Тобольской губернии с кадрами примерно одинаковой по населенности, но меньшей в тридцать раз по площади Могилевской губернии. В последней работали 59 мировых судей и судебных следователей, тогда как в Тобольской губернии их намечалось учредить всего 44⁹⁰. Отыскивались и более показательные сравнения. В Псковской губернии, меньшей в два раза по населенности и в двадцать раз по площади, в 1889 г. действовало на девять мировых судей и судебных следователей больше, чем предполагалось установить в Томской губернии⁹¹. Сами министерские чиновники, характеризуя число вводимых мировых судей, говорили о нем как о «крайне умеренном»⁹², а Муравьев называл его «минимальным», и полагал, что в недалеком будущем потребуются его увеличение⁹³. Этому министра позже заслуженно обвиняли в бедах сибирского мирового суда, сделавшихся последствием его ставки на удешевление правосудия⁹⁴. Выдающимся достижением он представлял в докладе Николаю II снижение затрат на «сибирский судебный округ» более чем на четверть по сравнению с расходами на другие округа империи⁹⁵. Сам же Муравьев давал общественности повод поразмышлять, действительно ли вводилась мировая юстиция. В Государственном совете им были произнесены слова, из которых заключалось, что сибирские «судьи-следователи названы мировыми для того, чтобы не менять без особой надобности уже существующее на окраинах и привычное уху наименование»⁹⁶.

Чиновничья нерасчетливость удивила современников, которые, бегло ознакомившись с новшествами, предрекали перегрузки и волокиту. Так, корреспондент «Северного вестника», уже знавший о заложенном в проектах штатном дефиците, доказывал, что соединение судебных, следовательских и нотариальных функций создаст для мировых судей «много неудобств»: они «окажутся страшно завалены работой, прямо непосильной для одного человека. При самом напряженном труде в течение круглого года мировой судья вряд ли будет в состоянии исполнять и треть накопившихся дел. Мы не ошибемся, если скажем, что масса дел по необходимости будет залеживаться»⁹⁷.

Более чем тридцатилетняя работа по введению мирового суда в Сибири, таким образом, подходила к завершению. Противоречивым итогом стал закон 13 мая 1896 г. — результат волюнтаристской правительственной политики, пример принятия важных решений вопреки объективным условиям, здравому смыслу и нуждам. Он не являл собой образчик обдуманности и значительных умственных напряжений по поводу приспособления общих порядков к специфическим условиям региона, что смыслом своих высказываний подтверждал и Муравьев, заявлявший при обсуждении предстоящего реформирования в Государственном совете: «Прототипом проекта служили Судебные уставы, указателем же способов их приспособления к Сибири — систематическая комбинация правил о судебной части на Кавказе, в губерниях северных (Архангельской и Олонецкой), восточных (Орен-

бургской, Уфимской и Астраханской), отчасти в Туркестане и Степных областях»⁹⁸. Общественности представлялся очевидным факт отсутствия следов кропотливого труда чиновников над проектами и внимательного изучения ими региональных особенностей в рамках разработки преобразования сибирской юстиции. «Временные правила, если так можно выразиться, набросаны очень крупными штрихами, вырисовки деталей, применительно к разнообразию местных условий разных частей такого громадного края, как Сибирь, мы в них совсем не находим», — констатировал Анненский⁹⁹.

Устройство мировой юстиции в Сибири обусловили ставка на экономию государственных средств и забвение либеральных принципов. Окончательно была похоронена идея незыблемости начал уставов Александра II, и бюрократы смело шли на малообоснованные и недальновидные опыты над судебной организацией, чем предопределили поистине трагическое будущее мировых судей и творимого их руками правосудия: «крах мирового суда» последовал сразу за реформой в крае¹⁰⁰, а его служащие, не способные справиться с нагрузками и качественно выполнять все возложенные на них обязанности, были поставлены в положение «пасынков Фемиды»¹⁰¹.

Примечания

1. НАЗАРЬЕВ В. Современная глушь. Из воспоминаний мирового судьи. — Вестник Европы. 1872, № 2, с. 604.
2. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. III, т. 16, № 12932.
3. АРЕФЬЕВ Н. За пределами Европейской России. I. В Сибири. — Северный вестник. 1896, № 1, с. 48.
4. ДЖАНШИЕВ Г.А. Основы судебной реформы: Сб. статей. М. 2004, с. 229, 232.
5. См., напр.: Тобольский биографический словарь. Екатеринбург. 2004, с. 31, 189—190.
6. Соображения о применении к Западной Сибири основных положений преобразования судебной части в России. СПб. 1863, с. 1.
7. Основные положения преобразования судебной части в России. М. 1863, с. 6—7.
8. Замечания о развитии основных положений преобразования судебной части в России. Ч. 4. СПб. 1863, с. 285—286.
9. Замечания о применении к Сибири основных положений преобразования судебной части в России. СПб. 1863, с. 109.
10. Основные положения преобразования судебной части в России, с. 8.
11. Цит. по: Российское законодательство X—XX вв. Т. 8. М. 1991, с. 87.
12. Замечания о развитии основных положений преобразования судебной части в России, с. 286.
13. Замечания о применении к Сибири основных положений преобразования судебной части в России, с. 34, 50, 88.
14. Соображения о применении к Западной Сибири основных положений преобразования судебной части в России, с. 31.
15. Цит. по: ВОЛОГОДСКИЙ П.В. Из истории вопроса о судебной реформе в Сибири. — Русское богатство. 1892, № 12, с. 4—5.
16. ИГНАТЬЕВА М.Н. Управление и суд в Сибири во второй половине XIX в. Якутск. 1995, с. 34.
17. Соображения особого отдела комиссии, высочайше утвержденной для работы по преобразованию судебной части, по предложениям главных местных начальств и должностных и частных лиц сибирского края о применении высочайше утвержденных 29 сентября 1862 г. основных положений преобразования судебной части к Сибири. Б. м. [1867], с. 19.

18. ИГНАТЬЕВА М.Н. Ук. соч., с. 35, 38; Соображения особого отдела комиссии..., с. 5—10, 29.
19. Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные государственной канцелярией. Ч. 2. СПб. 1867, с. 13, 24, 26.
20. К вопросу о судебной реформе в Сибири. — Восточное обозрение. 18.X.1892.
21. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1149, оп. 10, д. 4^а, л. 1об.
22. Тобольские губернские ведомости. 26.VII.1897.
23. АННЕНСКИЙ Н.Ф. Хроника внутренней жизни. Судебная реформа в Сибири. — Русское богатство. 1896, № 6, с. 165—166.
24. РЕМНЁВ А.В. Самодержавие и Сибирь: Административная политика второй половины XIX — начала XX вв. Омск. 1997, с. 161.
25. СОКОЛОВСКИЙ Н. Современный быт русской женщины и судебная реформа. (Юридические заметки). — Женский вестник. 1867, № 9, с. 64.
26. Цит. по: АЛЬТШУЛЛЕР М.И. Земство в Сибири. Томск. 1916, с. 42.
27. Восточное обозрение. 1.IV; 15.VII; 30.IX.1882; 13.V.1885; Сибирская газета. 5.IV.1881; Сибирь. 21.III.1876; 17.VII.1877 и др.
28. Заметки и воспоминания В.М. Флоринского. — Русская старина. 1906, № 4, с. 124—125.
29. См., напр.: КОРНИЛОВ А. Вопрос о введении земства в Сибири до высочайшего рескрипта 3 апреля 1905 г. — Сборник о земстве в Сибири: Материалы по разработке вопроса на местах и в законодательных учреждениях. СПб. 1912, с. 9; ЯДРИНЦЕВ Н.М. Трехсотлетие Сибири 26 октября 1881 г. — Вестник Европы. 1881, № 12, с. 846.
30. Цит. по: АЛЬТШУЛЛЕР М.И. Ук. соч., с. 42.
31. ЯДРИНЦЕВ Н.М. Ук. соч., с. 847.
32. Цит. по: СЕСЮНИНА М.Г. Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев — идеологи сибирского областничества. Томск. 1974, с. 101.
33. АРЕФЬЕВ Н. Ук. соч., с. 51.
34. Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Т. 1. Всеподданнейшие отчеты командующего войсками Восточного сибирского округа и бумаги по общим вопросам управления гражданского и военного. Вып. 1. Иркутск. 1884, с. 136.
35. АННЕНСКИЙ Н.Ф. Ук. соч., с. 166.
36. РГИА, ф. 1405, оп. 69, д. 7107^а, л. 45об.—46.
37. Сибирская газета. 9.I.1883.
38. ПСЗ. Собр. III, т. 2, № 886.
39. Начало сибирских реформ. — Восточное обозрение. 29.IV.1882.
40. РГИА, ф. 1405, оп. 69, д. 7107^в, л. 2.
41. Там же, оп. 542, д. 250, л. 1.
42. Там же, оп. 69, д. 7107^в, л. 8—8об.
43. ПСЗ. Собр. III, т. 16, отд. 2, № 12 932.
44. РГИА, ф. 1149, оп. 10, д. 4^а, л. 1об.
45. Там же, ф. 1405, оп. 542, д. 241, л. 2; Государственный архив в г. Тобольске (ГАТ), ф. 152, оп. 37, д. 875, л. 121.
46. Сибирская газета. 28.XI.1882.
47. Ходатайство за введение мирового суда в сибирских городах. — Восточное обозрение. 13.VII.1885.
48. ПСЗ. Собр. III, т. 5, № 2770.
49. РГИА, ф. 1405, оп. 69, д. 7107^а, л. 1об., 46.
50. Там же, д. 7107^в, л. 29об.
51. ВОЛОГОДСКИЙ П.В. Из истории вопроса о судебной реформе в Сибири. — Русское богатство. 1892, № 12, с. 5.
52. См.: Сибирский вестник. 8.XII.1893; 3.I.1898; Статистический обзор Тобольской губернии за 1897 г. Тобольск. 1898, с. 40; Степной край. 2.I.1897; РГИА, ф. 1405, оп. 87, д. 9921^с, л. 5; д. 10 393, л. 81об.; ГАТ, ф. 152, оп. 37, д. 869, л. 129 и др.
53. РГИА. Коллекция печатных записок. № 102. Отчет о состоянии Томской губернии за 1886 г., л. 11об.
54. ГАТ, ф. 377, оп. 1, д. 52, л. 26об.—27.

55. АВДЕЕВА О.А. Сибирь в государственно-правовой системе России в XVII — начале XX вв. Иркутск. 2007, с. 260.
56. ГАТ, ф. 377, оп. 1, д. 52, л. 27.
57. ПСЗ. Собр. II, т. 41, № 43 880, ст. 5.
58. Заметки. Z. По поводу жалоб на кавказские суды. — Журнал гражданского и уголовного права. 1884, № 10, с. 2.
59. Заметки. КРАСОВСКИЙ А. Следственная часть в Закавказском крае. — Журнал гражданского и уголовного права. 1885, № 9, с. 17.
60. ГЕССЕН И.В. Судебная реформа. СПб. 1905, с. 250.
61. ПСЗ. Собр. III, т. 9, № 6196.
62. Там же, т. 8, № 5630, ст. 13.
63. РГИА, ф. 1405, оп. 87, д. 9921^с, л. 16об., 20об.; д. 10393, л. 3об.; оп. 542, д. 241, л. 11.
64. Там же, оп. 87, д. 9921^с, л. 21; д. 10393, л. 39.
65. ФОЙНИЦКИЙ И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. СПб. 1996, с. 333.
66. МУРАВЬЁВ Н.В. Из прошлой деятельности. Т. 2. СПб. 1900, с. 393.
67. ГАТ, ф. 376, оп. 1, д. 566, л. 6.
68. Пётр Михайлович Бутовский — ключевая фигура в истории проведения судебной реформы 1864 г. в Сибири. В 1861 г. окончил Императорское училище правоведения. Служил и председательствовал в судебных учреждениях Полтавы, Гродно, Люблина, занимал руководящие посты в Варшавской и Харьковской судебных палатах. В апреле 1889 г. назначен обер-прокурором первого департамента Сената; в этой должности возглавлял ревизию судебных учреждений Западной Сибири 1892 года. С января 1894 г. по январь 1901 г. товарищ министра юстиции. С апреля 1895 г. сенатор, с января 1901 г. член Государственного совета. См.: Библиотека РГИА. Отчет о ревизии судебных установлений и прокурорского надзора Тобольской и Томской губерний, произведенной в 1892 г., по поручению господина министра юстиции, обер-прокурором первого департамента Правительствующего Сената тайным советником П.М. Бутовским; ГАТ, ф. 152, оп. 37, д. 875, л. 1^а, 5; Памятная книжка Императорского училища правоведения на учебный 1915—1916 г. Пг. 1915, с. 71; Пётр Михайлович Бутовский. — Журнал Министерства юстиции. 1901, № 1, с. 90—92.
69. Всеподданнейший доклад министра юстиции статс-секретаря Муравьёва о деятельности Министерства юстиции за истекшее десятилетие (1894—1904 гг.). — Журнал Министерства юстиции. 1904, № 2, с. 35.
70. РГИА, ф. 1405, оп. 542, д. 240, л. 1.
71. Государственный архив Тюменской области, ф. 40, оп. 2, д. 392, л. 41.
72. ГАТ, ф. 152, оп. 37, д. 875, л. 43об.
73. Их проекты см.: РГИА, ф. 1405, оп. 542, д. 243—245; ГАТ, ф. 376, оп. 1, д. 566.
74. РГИА, ф. 1405, оп. 542, д. 241, л. 50—54, 73—75.
75. ГАТ, ф. 152, оп. 37, д. 875, л. 148об.
76. Там же, ф. 376, оп. 1, д. 566, л. 9об.
77. См., напр.: Министерская система в Российской империи: К 200-летию министерств в России. М. 2007, с. 230—231.
78. ГАТ, ф. 152, оп. 37, д. 875, л. 4об.
79. АННЕНСКИЙ Н.Ф. Ук. соч., с. 171.
80. ГАТ, ф. 376, оп. 1, д. 566, л. 10об.—11.
81. Там же, ф. 152, оп. 37, д. 875, л. 45.
82. Временные правила о применении Судебных уставов в губерниях и областях Сибири, с законодательными мотивами и разъяснениями. Составил, с разрешения г. министра юстиции, член консультации при Министерстве юстиции М.П. Домерщиков. СПб. 1897, с. 16.
83. Там же, с. 12.
84. НАЗАРЬЕВ В. Ук. соч., № 3, с. 171—172.
85. ГАТ, ф. 152, оп. 37, д. 875, л. 133об.—134.
86. ГЛАЗУНОВ Д.А. Почетные мировые судьи Сибири: государство и общество в конце XIX — начале XX в. В кн.: Местное самоуправление в истории Сибири XIX—XX вв. Сб. материалов региональной научной конференции. Новосибирск. 2004, с. 111.
87. ГАТ, ф. 152, оп. 37, д. 875, л. 159—162, 158.

88. Там же, ф. 376, оп. 1, д. 566, л. 11.
89. РГИА, ф. 1405, оп. 542, д. 250, л. 10об.
90. ГАТ, ф. 152, оп. 37, д. 875, л. 160об.
91. Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1889 г. Вып. 5. СПб. 1890, с. 16.
92. ГАТ, ф. 152, оп. 37, д. 875, л. 160.
93. МУРАВЬЁВ Н.В. Ук. соч., с. 403—404.
94. «Правосудием на дешевых началах» называл известный томский адвокат Р.Л. Вейсман установленную в конце XIX в. сибирскую судебную систему с мировой юстицией. ВЕЙСМАН Р.Л. Яркие недостатки сибирского суда. — Сибирские вопросы. 1908, № 3—4, с. 46.
95. РГИА, ф. 1405, оп. 542, д. 250, л. 10.
96. Отчет по делопроизводству Государственного совета за сессию 1895—1896 гг. СПб. 1896, с. 505.
97. Внутреннее обозрение. Судебная реформа в Сибири. — Северный вестник. 1896, № 6, с. 271.
98. РГИА, ф. 1149, оп. 12, д. 63, л. 183—183об.
99. АННЕНСКИЙ Н.Ф. Ук. соч., с. 167.
100. ВЕЙСМАН Р.Л. Ук. соч., с. 41.
101. АНУЧИН В.Н. Пасынки Фемиды. — Сибирские вопросы. 1909, № 46—47, с. 26—39; № 49—50, с. 26—39; № 51—52, с. 54—71.